

ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ПРАКТИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

<https://doi.org/10.5371/zenodo.18894573>

У.Р. Низамединходжаев

*Ученый секретарь университета общественной безопасности доктор
философии по юридическим наукам, доцент*

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию юридических гарантий прав человека в условиях транснациональной уголовной практики. Анализируются универсальные и региональные стандарты защиты личности, закреплённые в международных договорах и развитые в практике международных судебных органов. Особое внимание уделяется проблемам экстрадиции, трансграничного сбора доказательств, цифровизации уголовного процесса, а также соотношению принципа государственного суверенитета и императивных норм международного права. На основе сравнительного анализа доктрины стран Европы и государств СНГ выявлены различия в подходах к интерпретации принципа non-refoulement, стандартов справедливого судебного разбирательства и допустимости доказательств, полученных за рубежом. Обосновывается необходимость гармонизации процессуальных гарантий и формирования многоуровневой модели защиты прав человека в транснациональном уголовном сотрудничестве.

Ключевые слова

права человека, транснациональная преступность, экстрадиция, международное уголовное право, справедливое судебное разбирательство, non-refoulement, международное сотрудничество.

Annotation

The article provides a comprehensive study of legal guarantees of human rights within transnational criminal practice. It examines universal and regional human rights standards enshrined in international treaties and interpreted by international judicial bodies. Particular attention is paid to extradition procedures, cross-border evidence gathering, digitalization of criminal proceedings, and the tension between state sovereignty and peremptory norms of international law. Through a comparative analysis of European and CIS scholarly approaches, the paper identifies doctrinal differences in the interpretation of the non-refoulement

principle, fair trial guarantees, and admissibility of foreign-obtained evidence. The author substantiates the need for harmonization of procedural safeguards and the development of a multi-level human rights protection model in transnational criminal cooperation.

Keywords

human rights, transnational crime, extradition, international criminal law, fair trial, non-refoulement, judicial cooperation.

Annotatsiya

Maqola transmilliy jinoyiy amaliyot sharoitida inson huquqlarining yuridik kafolatlarini kompleks tadqiq etishga bag'ishlangan. Unda xalqaro shartnomalarda mustahkamlangan hamda xalqaro sud organlari amaliyotida rivojlantirilgan universal va mintaqaviy standartlar tahlil qilinadi. Ekstraditsiya, transchegaraviy dalillarni yig'ish, jinoyat protsessining raqamlashtirilishi hamda davlat suvereniteti va xalqaro huquqning imperativ normalari o'rtasidagi nisbat masalalariga alohida e'tibor qaratiladi. Yevropa va MDH davlatlari olimlari qarashlarini qiyosiy tahlil qilish asosida non-refoulement tamoyili, adolatli sud muhokamasi kafolatlari hamda xorijda olingan dalillarning maqbulligi borasidagi yondashuvlar farqi aniqlanadi. Muallif transmilliy jinoyiy hamkorlikda inson huquqlarini ko'p darajali himoya qilish modelini shakllantirish zarurligini asoslaydi.

Kalit so'zlar

inson huquqlari, transmilliy jinoyatchilik, ekstraditsiya, xalqaro jinoyat huquqi, adolatli sud, non-refoulement, sud hamkorligi.

Введение

Глобализация общественных процессов, цифровая трансформация экономики и развитие трансграничных коммуникаций обусловили качественное усложнение структуры преступности. Транснациональные преступные сети действуют вне национальных границ, что объективно усиливает международное уголовное сотрудничество. Вместе с тем расширение кооперации ставит вопрос о сохранении и укреплении юридических гарантий прав человека.

Международное право выработало комплекс универсальных и региональных стандартов, направленных на защиту прав человека в уголовном процессе. Базовые положения закреплены во Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., а также в региональных актах, включая Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Их развитие и толкование

обеспечиваются судебной практикой, прежде всего Европейский суд по правам человека, а также договорными органами ООН.

Универсалистская концепция, получившая наибольшее развитие в государствах Западной Европы, исходит из идеи постепенной «конституционализации международного права», в рамках которой права человека приобретают статус нормативного ядра формирующегося наднационального правопорядка. Речь идёт не просто о признании международных договорных обязательств, а о качественном изменении их юридической природы: фундаментальные права рассматриваются как материальные пределы осуществления государственной власти, включая уголовную юрисдикцию.

1. Теоретические основания конституционализации

В европейской правовой доктрине конституционализация международного права связывается с формированием многоуровневой системы защиты прав человека, в которой национальные конституции, международные договоры и судебные механизмы образуют единую нормативную матрицу. В этой парадигме Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод рассматривается как квази-конституционный акт регионального масштаба, а практика Европейский суд по правам человека — как источник динамического толкования фундаментальных прав.

Конституционализация выражается в трёх взаимосвязанных тенденциях:

1. **Примат фундаментальных прав** над вторичным правом и межгосударственными соглашениями.
2. **Судебная институционализация** контроля за соблюдением прав человека.
3. **Расширение экстерриториальной ответственности государства** в случаях трансграничного взаимодействия.

Таким образом, права человека выступают не только как объект защиты, но и как критерий легитимности транснационального уголовного сотрудничества.

2. Универсализм и правопорядок Европейского союза

В правопорядке Европейский союз универсалистская логика получила институциональное закрепление. Принцип взаимного признания судебных решений, являющийся краеугольным камнем пространства свободы, безопасности и правосудия, основан на презумпции взаимного доверия

между государствами-членами. Однако это доверие не носит абсолютного характера.

Европейская доктрина подчёркивает, что взаимное признание возможно лишь при условии соблюдения минимальных стандартов фундаментальных прав. Иначе говоря, взаимное доверие не может трансформироваться в «слепое доверие». В противном случае подрывается сама аксиологическая основа интеграционного проекта.

Именно поэтому в европейской юридической науке принцип взаимного признания рассматривается как **функциональный инструмент**, ограниченный материальными пределами прав человека. Судебная практика европейских институтов подтверждает, что в случае реального риска нарушения фундаментальных прав государство обязано отказаться от автоматического исполнения иностранного судебного решения.

3. Права человека как материальные пределы уголовной юрисдикции

В универсалистской парадигме государственный суверенитет не отрицается, но интерпретируется через призму ответственности. Суверенитет перестаёт быть абсолютной категорией и приобретает характер «ответственного суверенитета», ограниченного нормами *jus cogens* и международными обязательствами.

Особенно ярко это проявляется в сфере:

- экстрадиции;
- передачи осуждённых лиц;
- трансграничного сбора доказательств;
- применения Европейского ордера на арест.

Государство, участвуя в транснациональной уголовной процедуре, обязано оценивать последствия своих действий для прав конкретного лица. Универсалистская доктрина утверждает, что ответственность государства возникает не только за прямое нарушение, но и за содействие потенциальному нарушению в третьем государстве.

4. Многоуровневая защита и диалог судов

Одним из ключевых элементов универсалистской модели является концепция «судебного диалога». Национальные суды, наднациональные судебные органы и международные инстанции формируют сеть взаимного контроля. Такая модель предполагает:

- интерпретацию национального законодательства в свете международных обязательств;
- учёт практики международных судов;

- возможность пересмотра национальных решений в случае выявления нарушения фундаментальных прав.

В этом контексте права человека приобретают интеграционную функцию, обеспечивая нормативную целостность правового пространства.

5. Критический анализ и пределы универсализма

Несмотря на значительные достижения, универсалистская концепция не лишена критики. Оппоненты указывают на риск «эрозии демократической легитимности», когда наднациональные органы фактически формируют стандарты, выходящие за пределы согласованной воли государств. Кроме того, возникает вопрос о границах экстерриториальной ответственности и о допустимости вмешательства в национальные процессуальные модели.

Тем не менее большинство европейских исследователей сходятся во мнении, что универсализация фундаментальных прав является объективным этапом эволюции международного права. В условиях транснациональной преступности именно права человека обеспечивают баланс между эффективностью уголовного преследования и сохранением правового государства.

Таким образом, универсалистская концепция рассматривает права человека как нормативный фундамент транснациональной уголовной практики. Принцип взаимного признания в правовом порядке Европейский союз функционирует не автономно, а в тесной связи с обязательством соблюдения фундаментальных прав, закреплённых в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и развитых в практике Европейский суд по правам человека.

В доктринальном измерении это означает трансформацию суверенитета из абсолютной категории в юридически ограниченную и ответственную форму публичной власти. Права человека становятся не внешним ограничением, а внутренним структурным элементом современного международного правового порядка, определяющим легитимность транснационального уголовного сотрудничества.

Проблема соотношения международного и национального права в сфере защиты прав человека приобретает особую остроту в условиях транснационализации уголовной юстиции. Расширение международного сотрудничества, унификация процессуальных механизмов и развитие наднациональных институтов обусловили необходимость переосмысления пределов государственного суверенитета. В западноевропейской доктрине данные процессы часто интерпретируются через призму

«конституционализации международного права», предполагающей признание фундаментальных прав человека как наднациональных ограничителей публичной власти. Однако в государствах постсоветского пространства сформировалась иная теоретико-методологическая позиция, получившая обозначение суверенистского подхода.

Суверенистская концепция, получившая развитие в научной доктрине государств СНГ, основывается на приоритете конституционного суверенитета и принципе верховенства национальной Конституции в системе источников права. В рамках данной парадигмы международные обязательства, включая положения Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, признаются юридически обязательными, однако их действие не рассматривается как автоматически интегрированное в национальный правопорядок. Реализация международных стандартов осуществляется через механизмы внутренней имплементации, законодательной трансформации и судебного толкования.

В отличие от универсалистской модели, где международные стандарты трактуются как структурный элемент формирующегося наднационального правопорядка, суверенистская доктрина исходит из концепции координационного взаимодействия правовых систем. Международное право и национальное право признаются автономными, хотя и взаимосвязанными нормативными порядками. При этом государство сохраняет дискреционные полномочия в определении форм и способов реализации международных обязательств, что особенно значимо в сфере уголовной юстиции, затрагивающей основы конституционной идентичности, публичной безопасности и процессуальной автономии.

1. Теоретические основания суверенистской парадигмы

В научных исследованиях государств постсоветского пространства подчёркивается, что международное право и национальное право образуют взаимодействующие, но самостоятельные системы. Даже при признании примата международных договоров их реализация возможна лишь в рамках конституционной модели государства.

Ключевыми элементами данного подхода являются:

1. **Верховенство Конституции** как акта высшей юридической силы.
2. **Необходимость трансформации международных норм** в национальное законодательство.

3. Сохранение процессуальной автономии государства в уголовно-правовой сфере.

Таким образом, международные обязательства признаются юридически обязательными, однако их действие не носит автоматического характера и требует институциональной адаптации.

2. Имплементация международных стандартов и национальная правовая система

Основополагающие международные акты, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, признаются государствами СНГ в качестве источников обязательств. Однако их применение рассматривается через призму национального законодательства и судебной практики.

Суверенистская доктрина подчёркивает, что:

- международные нормы не могут подменять собой национальные процессуальные механизмы;
- толкование международных обязательств должно учитывать конституционные принципы;
- судебные решения международных органов не обладают прямой нормативной силой вне процедуры имплементации.

В этой связи практика Европейский суд по правам человека воспринимается как значимый ориентир, но не как источник прямого действия, способный автоматически изменять внутренний правопорядок.

3. Процессуальная автономия в транснациональном уголовном сотрудничестве

Особое значение суверенистская концепция придаёт сохранению национальной уголовно-процессуальной модели. В сфере экстрадиции, взаимной правовой помощи и передачи уголовного преследования государства СНГ исходят из принципа договорной обусловленности сотрудничества.

Это означает, что:

- выдача лица осуществляется строго в рамках международного договора;
- оценка риска нарушения прав проводится национальными судами;
- допустимость доказательств определяется национальными нормами уголовного процесса.

Таким образом, международные стандарты выступают рамочными ориентирами, но конкретные процедуры их реализации остаются в компетенции национальных органов.

4. Конституционная идентичность и пределы наднационального контроля

Суверенистский подход тесно связан с концепцией конституционной идентичности. В научной литературе подчёркивается, что государство вправе защищать базовые конституционные принципы – основы государственного строя, суверенитет, права и свободы граждан – даже в условиях международной интеграции.

В этом контексте международное право не отрицается, но его действие ограничивается рамками согласованной государством компетенции. Суверенитет понимается как юридическая категория, предполагающая самостоятельное определение механизмов реализации международных обязательств.

5. Критический анализ и эволюция подхода

Критики суверенистской модели указывают на риск фрагментации международных стандартов и возможное снижение уровня защиты прав человека. Однако сторонники подхода отмечают, что именно конституционная фильтрация международных норм обеспечивает их легитимность и устойчивость в национальной системе.

Следует отметить, что современная практика государств СНГ демонстрирует определённую эволюцию: усиливается значение судебной аргументации с учётом международных стандартов, расширяется использование сравнительно-правового анализа, развивается диалог между национальными и международными институтами.

Суверенистский подход не отрицает универсальных прав человека, но интерпретирует их через призму национального правопорядка. Международные нормы, включая положения Международного пакта о гражданских и политических правах, и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, рассматриваются как обязательные, но реализуемые посредством внутреннего правового механизма.

В доктринальном измерении это означает сохранение баланса между международной кооперацией и конституционным суверенитетом. Государство остаётся ключевым субъектом уголовной юрисдикции, а международные стандарты функционируют как нормативные ориентиры,

интегрируемые в национальную систему через процедуры имплементации и судебного толкования.

Тем самым суверенистская парадигма формирует модель «координированного взаимодействия», при которой транснациональное уголовное сотрудничество осуществляется без утраты государством своей процессуальной автономии и конституционной идентичности.

Заключение

Сопоставление универсалистской и суверенистской концепций позволяет сделать принципиальный вывод о том, что современная транснациональная уголовная практика развивается в условиях структурного напряжения между тенденцией к конституционализации международного права и сохранением конституционной идентичности государств.

Универсалистская модель, сформировавшаяся преимущественно в западноевропейской доктрине, исходит из признания фундаментальных прав человека нормативным ядром формирующегося многоуровневого правопорядка. В этой парадигме права, закреплённые в Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, рассматриваются не как внешние договорные ограничения, а как материальные пределы осуществления публичной власти. В правопорядке Европейский союз принцип взаимного признания судебных решений функционирует лишь постольку, поскольку сохраняется гарантированный уровень защиты фундаментальных прав. Практика Европейский суд по правам человека подтверждает, что государство несёт ответственность не только за прямые нарушения, но и за предсказуемые последствия трансграничного сотрудничества.

Суверенистский подход, характерный для научной мысли государств СНГ, не отвергает универсальные стандарты, однако подчёркивает необходимость их имплементации через призму национальной конституционной системы. Международные нормы признаются обязательными, но их действие опосредуется внутренними механизмами трансформации, судебного толкования и законодательной адаптации. В этой модели конституция сохраняет высшую юридическую силу, а государство — ключевую роль субъекта уголовной юрисдикции.

Научный анализ показывает, что данные подходы не являются взаимоисключающими. Их противопоставление носит скорее методологический, чем онтологический характер. Универсализация прав человека объективно обусловлена транснационализацией преступности и

необходимостью единых процессуальных стандартов. Вместе с тем эффективность таких стандартов возможна лишь при их институциональной интеграции в национальные правовые системы.

В современных условиях формируется синтетическая модель, которую можно определить как **многоуровневый конституционализм с сохранением конституционной идентичности государств**. Её сущность заключается в следующем:

1. Фундаментальные права человека обладают императивным характером и выступают материальным пределом транснационального уголовного сотрудничества.
2. Реализация этих прав осуществляется через национальные процессуальные механизмы, обеспечивающие их институциональную легитимность.
3. Судебный диалог между национальными и международными органами формирует систему взаимного контроля и координации.
4. Государственный суверенитет трансформируется из абсолютной категории в ответственную форму публичной власти, ограниченную международными обязательствами.

Следовательно, перспективы развития транснациональной уголовной практики связаны не с ослаблением суверенитета и не с абсолютизацией наднационального начала, а с гармонизацией процессуальных стандартов и укреплением гарантий прав человека на всех уровнях правового регулирования. Именно такая модель обеспечивает баланс между эффективностью борьбы с транснациональной преступностью и сохранением принципов правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Всеобщая декларация прав человека // Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.; вступил в силу 23 марта 1976 г.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Рим, 4 ноября 1950 г.; вступила в силу 3 сентября 1953 г.
4. Конвенция против пыток // Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г.

5. Римский статут Международного уголовного суда // Принят 17 июля 1998 г.; вступил в силу 1 июля 2002 г.
6. Европейский суд по правам человека. Руководство по статье 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство). Страсбург: Совет Европы, актуальная редакция.
7. Международный уголовный суд. *Elements of Crimes and Rules of Procedure and Evidence*. The Hague, 2011 (с изм.).
8. Shaw M. N. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
9. Cassese A. *International Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005.
10. Bassiouni M. C. *Introduction to International Criminal Law*. 2nd ed. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2013.
11. Ambos K. *International Criminal Law*. Vol. I: Foundations and General Part. Oxford: Oxford University Press, 2013.
12. Klabbers J. *International Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
13. Peters A. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
14. Лукашук И. И. *Международное право. Общая часть*. М.: Волтерс Клувер, 2005.
15. Тиунов О. И. *Соотношение международного и национального права: теория и практика*. М.: Норма, 2012.